

русского языка и что является самобытным.

П. Саукконен (Оулу, Финляндия) исследовал соотношение ряда типов синтаксических и аналитических конструкций в финском языке.

П. Сиро (Тампере, Финляндия) в докладе «Проблема финно-угорского спряжения» не соглашается с широко распространенным мнением об отсутствии в финно-угорском языке спрягаемых глагольных форм¹ и критикует ту точку зрения, в соответствии с которой финитные формы, образованные путем присоединения личных местоимений, вначале якобы именными категориями. П. Сиро сомневается в том, что некогда в языке существовали только именные формы с притяжательными суффиксами; скорее всего, процесс возникновения личных окончаний глагола и притяжательных суффиксов имен протекал одновременно, параллельно.

Г. Стипа (Гёттинген — Хельсинки) рассмотрел безличные предложения в коми языке — преимущественно те из них, в которых логический субъект стоит в косвенном падеже (вин., дат., местн. и

¹ Ср.: Bárczi G., *A magyar nyelv életraja*, Budapest, 1963, стр. 57; Berg J., *Magyar történeti mondattan*, Budapest, 1957, стр. 175.

И. П. Севбо. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М., «Наука», 1969, 135 стр.

Изучение внутренней организации текста становится одной из актуальных проблем лингвистики, как прикладной, так и теоретической. Во-первых, знание законов построения текстов необходимо в самых различных областях гуманитарного знания — без него бессмысленно создание приемлемых методов автоматического реферирования и индексирования в информатике¹, исследование психологии чтения², композиции литературных произведений и даже разработка адекватной

¹ В нашей рецензии мы касаемся в основном первой, посвященной структуре текста и представляющей общелингвистический интерес части книги И. П. Севбо; ее более специальная вторая часть посвящена применению найденных закономерностей организации текста к созданию лингвистически обоснованных методов аннотирования и реферирования.

² См. лингвистически наивную и в то же время весьма симптоматичную попытку представления структуры текста в кн.: Л. П. Д о б л а е в, Психологические основы работы над книгой, М., 1970, стр. 11—19.

род.). Выделяются следующие типы безличных предложений: 1) *батъбля янджим* «отцу стыдно»; 2) *сбббм вылас Варукулы вбббконы* «на душе у Варвары было легко»; 3) *пелын тиньбб* «в ухе звенит»; 4) *Миккулдн* (род.) *эз узьсы* «Николаю не спалось» (буквально: «у Николая не спалось»); 5) *менб дышббис* «меня взяла лень»; мне стало лень» (*дышббис* — глагольная форма фактитива, образована от прилагательного *дыш* «ленивый»). Г. Стипа, сопоставляя выделенные им типы безличных предложений с соответствующими оборотами речи других финно-угорских языков, а также русского языка, считает, что третий тип возник под влиянием русского языка; его же содокладчик — К. Рееди — видит русское влияние также в четвертом и пятом типах. Последнее вызывает сомнение, так как в четвертом типе, например, глагол русского языка управляет дат. падежом, а глагол коми языка — род. падежом.

В последнем докладе симпозиума, сделанном Б. Викманом (Уппсала, Швеция), рассматривалось употребление объектного спряжения, имеющегося в ряде уральских языков.

В целом рецензируемый сборник полезен уже тем, что в нем затронут целый ряд актуальных вопросов синтаксиса уральских языков.

В. И. Лыткин

математической теории семантической информации. Во-вторых, без знания этих законов остается незавершенным здание самой лингвистики. Владение языком на практике проявляется именно в построении текстов (высказываний), в которых строение отдельного предложения зависит от строения других предложений того же текста. Поэтому, занимаясь структурой текста, лингвистика не выходит за пределы своей основной задачи — изучения законов организации человеческой речи.

Между тем основные достижения лингвистики были до недавнего времени связаны с изучением организации единиц, не превосходящих предложения. В исследовании целых текстов впереди оказались литературоведы, показавшие, как тексты определенного типа (жанра) — например, волшебная сказка или басня, — складываются из своего рода стандартных блоков — мотивов или функций³,

³ См.: В. Я. Пропп, Морфология сказки, 2-е изд., М., 1969; М. Л. Гаспаров, Сюжет и идеология в эзоповских баснях, ВДИ, 1968, 3.

или отрезков, написанных с разных «точек зрения»⁴. Однако при этом организация текста лишь сводилась рекурсивно к организации субтекстов, каждый из которых мог в свою очередь иметь довольно большую длину. Разрыв между предложением, организацию которого изучали лингвисты, и теми крупными блоками, из которых исходили литературоведы, не был ликвидирован, и потому проблема организации текста оставалась по существу открытой: как, например, описать структуру текста, внутри которого не происходит смены точек зрения? Правда, еще Б. В. Томашевский указывал, что анализ композиции, понимаемый как разложение текста на части, обладающие тематической самостоятельностью и единством, должен доводиться до разбиения на отдельные предложения и что «в сущности — каждое предложение обладает своим мотивом»⁵. И все же правил перехода от организации предложения к организации текста и наоборот — не существовало.

Прогресс в этой области наметился лишь тогда, когда лингвисты обратились к исследованию языковых средств связи между предложениями. Начавшись с введения понятия сложного синтаксического целого (Н. С. Поспелов), эти исследования вскоре привели к возникновению представления о существовании воплощенной в чисто языковых средствах структуры (организации) целого текста. Правда, в вопросе о характере этих языковых средств единодушия не было. Самая распространенная точка зрения наиболее четко выражена в работе И. А. Фигуровского, который, сказав в общем определении, что «структура текста выражается» в специальных знаках начала и конца текста, «в синтаксисе отдельных предложений, в сочетаниях смежных предложений, в строении и сочетании соединений предложений», на практике рассматривает лишь те связи предложений и частей текста, которые выражены с помощью союзов и соотносительных слов⁶.

⁴ См. обобщающую работу по «точкам зрения»: Б. А. Успенский, *Поэтика композиции*, М., 1970.

⁵ Б. В. Томашевский, *Теория литературы*, Поэтика, 5-е изд., М.—Л., 1930, стр. 131, 136—137. Ср.: П. С. Кузнецов, *Об основных единицах речи и словесного произведения*, «Русская речь», 1970, 1, стр. 35—36, а также трактовку понятия «темы» в работе: Г. Гольдберг, *Понятия темы, мотива и сюжета*, в кн.: «Родной язык в школе», кн. 2, М., 1927, стр. 41—51.

⁶ И. А. Фигуровский, *Структура текста художественного произведения* (тезисы доклада), в кн.: «Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания», Воронеж, 1965, стр. 4, 6 («Уч. зап. Липецк. пед. ин-та», IV).

Иначе подошли к организации текста исследователи, потребовавшие, чтобы каждое последующее предложение текста было связано с предыдущими логическим следованием определенного вида⁷. Подобное требование представляется и слишком слабым (трудно говорить о логических связях между элементами, например, пейзажного описания типа *Уж небо зеркало. Воды струились тихо. Жук жуужжал*), и слишком сильным, поскольку из двух текстов, содержащих доказательство некоторого утверждения и его отрицания, связным, согласно данному определению, заведомо может быть только один.

Требование логической выводимости можно, однако, ослабить, заменив требованием отсутствия подмены «объекта речи», т. е. предполагая либо сохранение утверждаемого предиката (хотя бы и для других термов), либо, наоборот, сохранение термов, хотя бы и для иного предиката. Так мы приходим к явлению связи предложений (или групп предложений) посредством лексического повтора⁸ — именно этот тип связи и является основным объектом внимания в рецензируемой книге И. П. Севбо.

Прежде чем описывать устройство текстов, исследовательница приводит тексты к некоторому стандартизованному виду. Предложения, составляющие текст, могут быть самыми разными — от *Мама ела кашу* до сложнейшего периода, занимающего несколько страниц. Средняя длина предложения является, бесспорно, важной стилистической характеристикой естественного текста, но ведь тем длиннее и сложнее предложение, тем более его внутреннее строение само будет напоминать строение целого текста. Поэтому И. П. Севбо дает совокупность правил, которая позволяет автоматически заменять каждое предложение набором максимально простых («канонических») фраз, каждая из которых действительно выражала бы одну «элементарную мысль». Например, если в предложении два однородных сказуемых или подлежащих, то-

⁷ См.: Г. В. Дорофеев, Ю. С. Мартеньянов, *Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте*, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 12, М., 1969.

⁸ Не случайно И. Беллерт, определяя речь как последовательность предложений, в которой семантическая интерпретация каждого предложения зависит от интерпретации предыдущих, на практике сводит это определение к требованию повтора лексических единиц. — I. Belleret, *On a condition of the coherence of texts*, Warszawa, 1968, стр. 1—2. [Препринт к Международной конференции по семиотике в Казимеже].

это предложение будет разбито на два элементарных (вместо *Охотник зажмурился и выстрелил* будем иметь *Охотник зажмурился* и *Охотник выстрелил* — по существу здесь производится своего рода раскрытие грамматических «скобок»). Одновременно И. П. Севбо заменяет все местоимения 3-го лица теми существительными, вместо которых стоят эти местоимения (например, предложение *Игорь вышел и вместо него к столу сел Алик* будет заменено на *Игорь вышел и Вместо Игоря к столу сел Алик*). После того как все предложения приведены к такому стандартному виду, И. П. Севбо приступает к изучению способов их соединения в связный текст.

Рассмотрение именно лексических повторов не является для И. П. Севбо случайным — основная идея ее исследования состоит в том, что отличительной чертой связного текста является повторение одинаковых слов на протяжении соседних или близко расположенных предложений. В самом деле, если мы возьмем два случайных предложения — одно из учебника по сопрату, а другое, например, из стихов Фета, — то предложения будут говорить о разных вещах, а потому и знаменательные слова в этих предложениях будут разными. В связном же тексте соседние предложения обычно связаны единством объекта мысли («темы» или «героя» повествования), а потому название этого объекта должно повторяться. Так, если текст начинается с предложения *Зоя ударила Аню*, то в зависимости от того, пойдет ли дальше речь о Зое, Ане или о том, что «драться не хорошо», мы вправе ожидать, что в ближайших предложениях встретим либо имена *Зоя* или *Аня*, либо слово *ударить*. Такое повторение знаменательных слов И. П. Севбо назвала «наимизыванием».

Наимизывание оказывается одним из главных средств передачи смысла, организующим текст в единое целое. Используя это понятие, можно строить схему структуры текста. И. П. Севбо приводит схемы наимизывания для целого ряда детских рассказов Л. Н. Толстого и их переводов на славянские языки (схема наимизываний для текста и его переводов практически одинакова) и выделяет типы элементарных схем. Если в крупных текстах линии действующих лиц могут образовывать самые разные конфигурации, то в пределах небольших кусков текста их переплетения могут быть сведены всего к трем типам парных соотношений линий. В рассказе *Зоя ударила Аню*. *Аня в ответ стукнула Зою*. *Зоя убежала от Ани*, где каждое из имен попеременно оказывается то подлежащим, то дополнением, мы имеем дело с «взаимодействием». В тексте же *Маша достала пакет с пшеном*. *Маша отмерила стакан пшена*. *Маша высыпала пшено в кастрюлю* мы будем иметь дело с односторонним

«воздействием» *Маши* на *пшено*: первое слово во всех предложениях является подлежащим, а второе всегда попадает в группу сказуемого. Наконец, в известной народной «Повести о Фоме и Ереме» *Ерема был крив*. *Фома с бельмом*. *Ерема плещив*. *Фома шелудив* мы сталкиваемся с «параллельным действием» *Фомы* и *Еремы*: нет ни одного предложения, где бы эти два имени встретились вместе, фактически тут два перемежающихся и переплетающихся текста.

Линия, соединяющая вхождения некоторого слова, есть линия поведения соответствующего «объекта речи» в данном тексте; совокупность таких линий поведения для всех знаменательных слов текста есть представление его структуры, его композиции. Правда, взаимоотношения этих линий отражают взаимоотношения денотатов не непосредственно (схемы для текстов *У индейца был слон*. *Индеец плохо кормил слона* и *Индеец имел слона*. *Индеец плохо кормил слона* будут разными), но составляя схему именно структуры текста, а не структуры описываемых событий, исследователь вряд ли вправе игнорировать грамматические различия типа залоговых или конверсивных.

Конечно, разбиение предложения только на группу подлежащего и группу сказуемого неполно отражает синтаксическую и тем более логико-коммуникативную (актуальное членение) структуру предложения, но несомненно, что ввиду сравнительной простоты разбиения предложения на группу подлежащего и группу сказуемого начинать надо было именно с него. При этом делаемое самой И. П. Севбо допущение, что «во многих случаях» группа подлежащего соответствует логическому субъекту, а группа сказуемого — логическому предикату (стр. 54), является излишним — как известно, актуальное членение предложения сильно зависит от контекста и потому к его установлению резонно вернуться уже после фиксации наимизываний (то, что в данном предложении повторяет предыдущее, имеет высокие шансы на отнесение к теме, а то, что не является повтором, — к реме).

Предложенный способ представления структуры текста может быть использован также для анализа композиции художественных текстов¹⁰, в сопоставительной

⁹ В кибернетическом смысле этого термина; см.: У. Р. Эшби, Конструкция мозга, М., 1964, стр. 48. О схемах структуры текста, близких к используемому в синтаксисе графам зависимости, см.: Э. Ф. Скороходько, Автоматическая компрессия текста на основе анализа его семантической структуры, в кн.: «Проблемы прикладной лингвистики», ч. II, М., 1969.

¹⁰ В ранних исследованиях в этой области повторы систематизировались

стилистике, при обучении связной речи (прежде всего — письменной) и в литературном редактировании. И. П. Севбо несколько недооценивает свой метод, когда, признавая, что «между способами организации связности текста внутри абзаца и при соединении абзацев» «нет принципиального различия», все же почему-то считает, что описание связи между абзацами должно быть лишь «продолжением» ее исследования (стр. 31). Ни алгоритм приведения фраз к каноническому виду, ни фиксация нанизываний никак не учитывают границы абзаца, и потому ничто не мешает составить схему нанизываний для целого текста. Интерес представляет как раз обратная задача — по совокупности линий поведения объектов речи на протяжении всего текста попытаться автоматически выделить границы абзацев (или каких-то других частей текста). Опираясь на закономерность, вскрытую Е. В. Падучевой в рассказах Чехова¹¹, можно предположить, что граница абзаца должна отмечаться началом новой линии для некоторого существительного, не встречавшегося в предыдущем абзаце.

Конечно, лексические повторы не исчерпывают всех способов организации текста. И. П. Севбо на стр. 83—85 выделяет два класса текстов, для которых характерно отсутствие или во всяком случае малая частота лексических повторов — тексты, объединяемые либо «общностью ситуаций», либо «наличием семантически близких понятий». Если для описания структуры первых необходимо, на наш взгляд, учет грамматических повторов и прежде всего — повторов глагольных времен («массированным применением» таких повторов является синтаксический параллелизм)¹²,

лишь по их месту в чисто стиховых единицах, см.: В. М. Жирмунский, Композиция лирических стихотворений, Пг., 1921; Т. Фоохд-Стоянова, О композиционных повторах у Блока, «Dutch contributions to the IV International Congress of Slavists», The Hague, 1958. См. в этой связи: С. И. Гиндин, Семантический анализ композиционной структуры лирических текстов Некрасова, в кн.: «Некрасов и русская литература», Кострома, 1971.

¹¹ Е. В. Падучева, О структуре абзаца, в кн.: «Труды по знаковым системам, II», Тарту, 1965 («Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та», 181). Ср. попытку получить «реферат» рассказа Чехова путем взятия из каждого абзаца его первой или второй фразы (Л. М. Лосева, К изучению межфразовой связи, «Р. яз. в шк.», 1967, 1).

¹² Для изучения грамматических повторов может быть, по-видимому, полезен аппарат «свободных и связанных категорий», см.: Б. М. Гаспаров, О неко-

то для изучения организации текстов второй группы нужно, обобщая понятие лексического повтора, ввести понятие повтора семантического. Ослабляя требование логического следования, мы выдвинули условие сохранения предиката или его термов; ослабляя и это требование, можно выдвинуть условие близости предиката или термов предикату или термам предыдущего предложения. Так, в тексте *Время ушло. Фома убежал* нет полного повтора предиката, но есть повтор значения «движение от некоторой точки и исчезновение из поля зрения». Семантический повтор и можно определить как повтор некоторой совокупности смысловых признаков. Если при выделении лексических повторов мы отождествляли в качестве членов повтора элементы, относящиеся к одной словоизменительной парадигме, то при выделении семантических мы должны отождествлять в качестве членов повтора элементы, относящиеся к одному классу некоторого фиксированного семантического разбиения словника. Поскольку в качестве такого фиксированного разбиения можно взять существующие словообразовательные, синонимические, идеографические словари или словари лексических функций, выделение семантических повторов может быть не менее объективным, чем выделение лексических, хотя, разумеется, число и тип выделенных повторов¹³ будет зависеть от типа использованного семантического словаря.

Введение понятия семантического повтора существенно расширяет возможности анализа внутритекстовой организации. Так, если в тексте «Певучесть есть в мор-

торых лингвистических аспектах изучения структуры текста, в кн.: «III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы», Тарту, 1968; Б. Маслов, Возможные принципы выделения сверхфразовых единиц, в кн.: «Русская филология. 3-й сборник научных студенческих работ», Тарту, 1971.

¹³ Классификацию семантических повторов в зависимости от их совмещения с тем или иным из низших (фонетический и грамматический) видов повтора см.: С. И. Гиндин, Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 14, М., 1971 (в печати). Другое определение смысловой связи предложений, предполагающее, в отличие от нашего, обращение к внеязыковой ситуации и умение определить близость денотатов, см. в работе: Т. Н. Рылова, Некоторые формальные критерии выявления семантических связей между предложениями текста, «Труды семинара „Автоматизация информационных работ и вопросы прикладной лингвистики“», 1, Киев, 1969, стр. 32.

ских волнах...» Ф. И. Тютчева есть лишь два лексических повтора *природе* — *нею* и *разлад* — *разлад*, не позволяющие выявить связь первой строфы с остальным текстом, то семантических повторов (включая сюда повторы корневых морфем и синонимические повторы) в нем гораздо больше, они пронизывают весь текст: *морской* — *море*, *строй* — *стройный*, *певучьсть* — *петь*, *гармония* — *строй* — *созвучье*, *камыш* — *тростник*, *спор* — *разлад*, *певучьсть* — *гармония* — *музыкальный* — *созвучье* — *гор* — *петь* и *морской* — *стихийный*. В этом же тексте хорошо видна роль грамматических повторов и параллелизмов.

Требует дальнейшего исследования вопрос об отношении понятия связности текста к понятиям единства, осмысленности и организации текста. И. П. Севбо считает, что «осмысленность текста... предполагает и его связность», делая исключение лишь для «текстов типа перечней и рубрик» (стр. 85). Нам это допущение представляется слишком сильным — связность, т. е. зацепление или частичное уподобление частей текста, естественно рассматривать как принцип организации тех текстов, в которых тип и порядок составляющих их частей не фиксированы. Другим возможным типом организации текстов является предварительная регламентация допустимых типов составляющих и их порядка внутри текста; при этом связь составляющих как бы выносится из текста в его структурную формулу и в самом тексте может никак не проявляться, ср. отсутствие языковой связи между «шапкой» заявления и его основным текстом или внешнюю бессвязность текста «выходных данных» книги. Ясно, что такая

«жесткая» организация текстов, по существу уподобляющая текст предложению, мыслима в пределах некоторого строго очерченного жанра с достаточно клишированными текстами, тогда как «гибкая» организация посредством связности годится для произвольных классов разнообразных текстов и потому имеет общезыкоуый характер¹⁴.

Ценная и актуальная книга И. П. Севбо не легка для чтения — в ней затронуто слишком много вопросов, и автор часто лишь намечает пути исследования. Затрудненность и некоторая беглость были, однако, неизбежны — как ни разнообразны и глубоко филологические корни проблемы, И. П. Севбо впервые сделала структуру текста предметом систематического лингвистического рассмотрения. Как сказал поэт: «Пусть связь речей и далека, В них неразгаданные тайны Всегда живого языка».

С. И. Гиндин

¹⁴ Ср. эффективность дескрипторных языков без грамматики при поиске по текстам с ограниченной тематикой и необходимости грамматики в информационных языках универсального назначения, а также мысль о различии «частных теорий языка», описывающих «построение определенной группы текстов (каждая свою)», и «лингвистики — общей теории языка, описывающей характерные черты всех разновидностей текстов» [Ю. В. Рождественский, Что такое «теория клише»? в кн.: Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише), М., 1970, стр. 236].